

ПРОФИЛЬ

Политический святой

16. МАЯ 2011

Академик Сахаров не был теоретиком и стратегом нашей антикоммунистической демократической революции - для антикоммунистической революции никаких особых теорий и не требовалось. Мировоззренчески он эволюционировал, как громадное число интеллигентных советских людей, от либерального антисталинского прочтения марксизма-ленинизма через идею "конвергенции" к антикоммунизму и "буржуазному" демократизму.

Эта эволюция ускорилась в период его ссылки в Горький, но к моменту его смерти не дошла до своего логического предела: еще в 1989 году он требовал передачи земли крестьянам, фабрик - рабочим, а всей власти - Советам и до безоговорочного признания капитализма в качестве высшей цели так и не дошел.

Как и у всех совершавших подобную эволюцию советских людей, у Сахарова не было никаких представлений, как может произойти переход от казавшейся несокрушимой тоталитарной системы к демократии.

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Величие Сахарова было не в его политических идеях, а в его личности и жизни. Думать так, как думал Сахаров, могли многие - даже в Политбюро были люди, думавшие примерно то же самое. Но чтобы отказаться от богатой и спокойной жизни обласканного властью академика, трижды Героя Социалистического Труда, кующего "ядерный щит Родины" и разрабатывавшего увлекательные планы уничтожения США искусственным цунами, и без какой-либо надежды на успех вступить в борьбу с тоталитарной системой, требовались очень редкие качества.

Для этого надо было быть не от мира сего, не прислушиваться к тому, что подсказывает "здравый смысл", и слушать лишь свой внутренний голос, то есть быть вылепленным из того материала, из которого в свое время были созданы раннехристианские мученики. В российском демократическом движении было не так уж много героев и святых. Но Сахаров был бесспорным и признанным во всем мире святым этого

движения.

Не случайно освобожденный Горбачевым Сахаров сразу же оказывается в центре общественной жизни - в роли высшего морального авторитета и чуть ли не главного лидера демократов, которые все смелеют и радикализируются. Сахаров переходит от просто поддержки Горбачева к "условной поддержке" и затем к оппозиции. Сопоставимой с ним по масштабу фигуры не было, и авторитет Сахарова среди демократической интеллигенции был непререкаем.

СЛИШКОМ ИДЕАЛИСТ

Однако по мере того, как демократическое движение превращалось в реальную политическую силу, все яснее становились ограниченные возможности Сахарова как лидера. Сахаров не мог повести за собой широкие народные массы - психологически и культурно он был слишком далек от них. Так же далек он был от номенклатуры, нейтрализовать или привлечь которую было необходимо для прихода демократов к власти и которая в условиях советской социальной мобильности культурно была ближе к народным низам, чем к интеллигентскому среднему слою. Те качества Сахарова, которые были достоинствами на начальном этапе движения, теперь становятся недостатками. Он был слишком доктринер и идеалист, слишком наивен и доверчив. Каждый, кто слышал выступления академика на съезде народных депутатов, понимал, что в роли главы претендующей на власть партии и тем более главы государства его просто нельзя представить.

Между тем у демократов появился лидер, способный привести их к победе и власти. Ельцин, в отличие от Сахарова, чья популярность была велика, но ограничена относительно узким интеллигентским слоем, мог получить поддержку в широких народных массах и мог договориться с номенклатурой. Доктринерскими и моральными соображениями Ельцин скован не был.

Начиналась "большая игра". Сахарову в этой "большой игре" места не было. Быть лидером на новом этапе движения он не мог, и в то же время он был слишком самостоятелен и слишком авторитетен не только в среде интеллигенции, но и во всем мире, чтобы стать сотрудником Ельцина, членом устремленной к победе, связанной дисциплиной и единым

лидером команды. Непонятно даже, какую должность он мог бы занять.

СМЕРТЬ ВОВРЕМЯ

Смерть пришла к Сахарову относительно рано, в возрасте 68 лет, но если исходить из задачи победы демократов, она наступила очень вовремя. Для вступивших в борьбу за власть Ельцина и других политиков-реалистов из лагеря демократов был очень выгоден умерший Сахаров. Им очень пригодился Сахаров-икона, но был бы вреден живой Сахаров, реально участвующий в политике и "путающийся под ногами".

Но смерть не только избавила демократов от возникающей "проблемы Сахарова", но избавила и самого Сахарова от многих мучительных проблем. Приход к власти предводительствуемых Ельциным демократов мог произойти лишь ценой отказа от идеалистических принципов и утопических лозунгов раннего демократического движения. Сахарову предстояло или санкционировать эти трансформации и "забывать" вместе с другими о былом идеализме, или идти против течения и вступать в борьбу с друзьями и соратниками, исход которой был очевиден.

Смог бы Сахаров приветствовать Беловежские соглашения, которые покончили не только с "коммунистической империей", но и с любой перспективой перестройки "евразийского" пространства на основе права наций на самоопределение, как это предполагалось в сахаровском проекте Конституции? Смог бы он отказаться от этого права наций на самоопределение во имя "территориальной целостности России"? Смог бы он легко и незаметно перейти от лозунга "Земля - крестьянам, фабрики - рабочим, вся власть - Советам!" к одобрению приватизации и кровавого разгона парламента? На эти и подобные вопросы хочется ответить: "Нет, не смог бы". Хотя мы знаем, что близкие к Сахарову люди проделали именно такую эволюцию, а его вдова Елена Боннэр в 1993 году прямо призывала Ельцина не волноваться из-за правовых вопросов и быть решительнее в борьбе с реакционными Советами. Однако близкие - это все-таки не сам Сахаров, и однозначного ответа на эти вопросы нет.

ОТ САХАРОВА К ПУТИНУ

Как бы то ни было, судьба избавила Сахарова от множества труднейших проблем и позволила ему уйти из жизни воплощением утопически-идеалистического аспекта нашей демократической революции. Победа демократов в конечном счете вела к становлению путинского режима, который Сахаров, безусловно, отказался бы признавать своим, хотя линия преемственности - Сахаров-Ельцин-Путин - исторически совершенно очевидна. Это та же преемственность и то же противоречие между ранними, идеалистическими формами различных протестных движений и тем, что получается, когда они приходят к власти, которые бесконечно повторялись в истории.

Ранний идеализм в окостеневшей, иконной, форме работает на возникшую систему. Сейчас проспект Сахарова создает иллюзию, что дело Сахарова "в основном" победило. Но герои и мученики раннего этапа полезны власти лишь до тех пор, пока люди удовлетворяются иконно-житийными образами и не интересуются, какая реальность была за ними, что действительно думали и хотели ставшие иконами люди. Евангелие надо целовать, а не читать.

И сейчас торжественные чествования Сахарова - это часть системы ритуалов, освящающих нашу политическую систему. Чтение же Сахарова и размышление над тем, как так получилось, что у истоков движения стоял святой, а когда оно утвердилось у власти, главой государства стал Путин, для нашей власти совершенно не нужны. Между тем для понимания нашего положения и наших перспектив эти размышления необходимы и будут необходимы при следующей попытке перехода к демократии.